

Рецепция политических понятий европейского Просвещения в России XVIII столетия

И. С. Коковин

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Новосибирский государственный университет экономики и управления. Россия, г. Новосибирск.
E-mail: Ivan.kokov80@gmail.com

Аннотация. Целью исследования является формирование философской мысли в России XVIII в. в процессе рецепции понятийного аппарата европейского Просвещения. Речь идет не о механическом перенесении на российскую почву продуктов европейской мысли, но о проблемах трансформации культурного пространства, которые описываются средствами историографии, истории философии и лингвистики. Исследователь опирается в данном случае на знания, полученные в ходе изучения текстов, принадлежащих философам, историками, лингвистам.

Ставится задача охарактеризовать отношения между реконструкцией языка политики эпохи Екатерины II и переводами французской художественной прозы, а также изменение смысловых контекстов бытования различных терминов. Были выяснены следующие аспекты проблемы реконструкции: представление советскими авторами рецепции философской мысли в виде простого переноса европейских идей на российскую почву; признание постсоветской научной общественностью факта недостаточности словесных средств выражения политических и философских идей русской литературной речью восемнадцатого столетия; наличие предпосылок для создания цельной междисциплинарной реконструкции процесса становления философской терминологии в России на протяжении XVIII в. Перспективы исследования заключаются в развитии аналитического аппарата новой историко-философской концепции.

Ключевые слова: реконструкция, российское Просвещение, язык политики, идеологемы, становление философии, продукты европейской мысли.

Значительную актуальность в настоящее время обретает проблема идентификации самобытности русской философии. Подход, описывающий любые учения в терминах «прото-марксистское – марксистское – немарксистское», «прогрессивное – реакционное» [7, с. 37], уступил место иным парадигмам и языкам описания. Процесс смещения смысловых и ценностных акцентов заставляет переосмыслить проблему национальной идентичности русской философии, выбора критериев идентификации (самоидентификации). На современном этапе вопрос может быть сформулирован так: «Русская философия или философия в России?» [18, с. 36]. И какой именно элемент философского дискурса является маркером национальной принадлежности?

Имеются как минимум два критерия для определения национальных философий. Первый состоит в использовании географического признака в совокупности с языком выражения в качестве определителя пределов семиосферы. По этому критерию выделяется древнекитайская, древнеиндийская, древнегреческая философии. Второй состоит в отнесении мыслителя к той или иной школе философии или традиции, в этом случае границы географического и границы языкового дискурса могут не совпадать.

В советский период среди историков и историков философии был популярен второй подход, когда мыслитель идентифицируется по отношению к традиции и институции, которую он представляет (школы или течения мысли) вне зависимости от национальной принадлежности и языка. Тогда российская (русскоязычная) философия представляет собой совокупность ответвлений и приложений («филиалов») инородной мысли [9, с. 75].

Общей чертой обоих подходов является внимание на речевых аспектах выражения смысла. Однако не всякая письменная речь способна передать абстрактное содержание философских понятий, концептов или теорий [4, с. 45]. Следует заметить, что проблема самоидентификации национальной философии генетически связана с ее периодизацией: какой именно исторический период можно считать отправной точкой истории русской философии? Обозначенная проблема не предполагает единственного варианта решения. Взгляды представи-

телей отечественной истории философии могут быть объединены в три большие группы. Одни исследователи полагают, что философская рефлексия появляется на Руси в период принятия христианства. Первыми памятниками являются «Изборник» и «Слово о законе и благодати» [9, с. 60]. По мнению других, временем рождения оригинальной философской мысли в России стала эпоха Петра [1, с. 55]. Третья группа исследователей полагает, что полноценная онтологическая и гносеологическая рефлексия появляется в России лишь в период второй четверти XIX столетия [20, с. 65]. Для большинства исследователей очевидно наличие связи между процессами трансформации языка и прогрессом абстрактного мышления [8, с. 110]. Последнее означает, что философское творчество становится возможным в России лишь благодаря понятийному оформлению новых предметов рефлексии, трансляции новых иноязычных терминов и созреванию социальной среды, представители которой были заинтересованы в результатах абстрактного мышления.

Подавляющее большинство исследователей полагают, что русская философия складывалась под непосредственным влиянием европейской теории [10]. Без этого культурного воздействия она либо не могла возникнуть, либо не была способна принять те формы, которые являются предметом современной истории отечественной мысли. Однако сам процесс трансформации культурной почвы, благодаря которому стал возможен факт трансляции результатов абстрактного мышления европейских философов, как правило, не попадал в пространство дискурса российских гуманитариев (историков, историков философии, лингвистов, литературоведов и прочих).

Рассмотрим литературу по проблеме рецепции абстрактной философской и политической терминологии российским культурным пространством XVIII столетия. Согласно нашей гипотезе – исследования представителей советского, а также постсоветского научного сообщества не содержат в себе цельной реконструкции рецепции западноевропейских философских понятий российской культурой XVIII в. [5]. Основной целью исследования является анализ процессов постижения отечественной научной общественностью специфики культурных трендов усвоения русской литературной речью иноязычных философских и политических понятий европейского Просвещения.

Основной тенденцией марксистского аналитического подхода в СССР было стремление к отождествлению всего массива культуры (искусство, философия, право) с идеологией господствующих классов [13]. Отдельным формам общественного сознания приписывалась функция легитимизации власти доминирующих социальных групп. Принимался постулат об универсальности пятичленной формационной схемы, согласно которой история всех обществ земного шара должна проходить одни и те же стадии, причем некоторые социумы могут проходить эти этапы с отставанием во времени.

По мнению историков-марксистов Е. Г. Плимака, Е. В. Анисимова, В. И. Буганова [3], XVIII-е столетие в России было периодом зрелости и частичного разложения феодальных отношений, российский абсолютизм петровской и екатерининской эпох «копировал» в своем экономическом и идеологическом отношении западноевропейский феодально-монархический тренд. Следовательно, возрастала потребность правящих кругов в естественно-правовых идеологемах, тождественных германским или французским [14, с. 135]. Не было сомнений в том, что российские интеллектуалы находились под непосредственным влиянием идеологии просвещенного абсолютизма или естественно-правовой теории. Однако сам механизм словесного оформления смыслов, как правило, находился вне границ дискурса советских марксистов. Исключением является подход Е. Г. Плимака, который занимался сопоставлением текстов аббата Рейналя и А. Н. Радищева. Плимак не отрицает факта влияния идей западноевропейского просвещения на сознание Радищева и подвергает критике подходы Д. С. Бабкина и Г. П. Макогоненко, связывавших генезис взглядов писателя с русским опытом крестьянской войны: «На основе достижений мировой просветительской мысли, идей «общественного договора» Руссо строится и обоснование законности революции» [10, с. 106]. Плимак также полагает, что Радищев пропагандирует пример Кромвеля. Анализируя феномен политических воззрений русского литератора, он прибегает к приему прямого сопоставления текстов аббата Рейналя и Радищева. В свое время еще американский ученый Лэнг констатировал факт прямого заимствования Радищевым идей Рейналя. По мнению советского историка, суждения Рейналя даны в «условном наклонении», в то время как в творениях русского просветителя это наклонение отсутствует [10, с. 107]. Плимак полагал, что Радищев оказался радикальнее французского автора и последовательнее призывал народ России к революции

[10, с. 60]. Обозначенная тенденция и отразилась во фразеологии, содержащейся в «Путешествии из Петербурга в Москву». Однако анализируя проблему вербального оформления революционной идеологии писателя, Плимак не исследовал феномен генезиса языковых форм, понятий и концептов.

Проблемы смысловых трансформаций и эволюции языковых средств попадают в сферу исследовательских интересов отечественных ученых во многом благодаря усилиям представителей семиотического направления в литературоведении (Ю. М. Лотман, Б. Ф. Егоров [12]).

Подлинный всплеск интереса к феномену речевого оформления идеологических процессов начинается в 1990-е гг. Одним из известных постсоветских исследователей литературы XVIII в. являлся В. Д. Рак. Основным предметом его аналитического интереса был процесс перевода французских текстов на язык русской культуры. Рассматривая проблему трансляции текстов Вольтера и других французских просветителей отечественными авторами, он констатирует факт недостаточности языковых средств, следствием этого зачастую было тяготение переводчиков одного и того же иноязычного текста к плагиату [16, с. 174].

Рак сопоставляет фрагменты франкоязычного текста и русскоязычного перевода, это открыло новые возможности для изучения процесса выбора смысловых коррелятов иноязычных терминов русским культурным пространством. В то же время российский исследователь не стремился к созданию истории переводов, охватывающей все восемнадцатое столетие. Мы считаем, что такая работа могла бы открыть значительные перспективы понимания проблем рецепции философских терминов отечественной семиосферой.

В начале 90-х гг. в России возрастает интерес к заимствованию русской культурой иноязычных терминов, относящихся к сфере быденной жизни личности.

Значительный интерес в контексте заявленной темы представляет собой работа О. М. Гончаровой «Власть традиции и «Новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII в.». В сфере интересов исследователя находится соотношение новых и старых культурных элементов в процессе становления абстрактного мышления российской культурной элиты. Автор анализирует проблему формирования просветительской прозы в России, фиксируя противоречия феномена выражения философских идей на языке русской поэзии и прозы. При этом О. М. Гончарова склонна проводить прямую аналогию между процессами формирования философского романа на Западе и в России. Центральной тенденцией литературы того периода была иллюстративность, когда философские концепты излагались при помощи описания жизненной ситуации. Автор не видит разницы между творчеством представителей западноевропейского классицизма и русских писателей. Основным культурным трендом эпохи было стремление к использованию визуально воспринимаемой вымышленной ситуации для иллюстрации определенного философского концепта [6, с. 136].

По мнению О. М. Гончаровой, зримость и очевидность факта активно использовались французскими энциклопедистами XVIII в. [6, с. 136]. Ярким выразителем обозначенной западноевропейской тенденции на русской почве был Радищев, который, опираясь на эстетический опыт предшественников, «конгениально использовал и реализовал философию факта, создав в «Путешествии», например, своеобразный «портрет» русской культуры» [6, с. 135]. Однако конкретно-образный язык повествования зачастую мешает воспринимать основную идею произведения [6, с. 135].

Фиксируя основную тенденцию нововременного мышления, О. М. Гончарова цитирует фрагменты теории восприятия Гегеля [6, с. 137]. Она согласна с теми представителями современной философии, которые считают, что язык описания тождественен языку объяснения и что отличительной чертой философской прозы является рефлексивный характер [6, с. 137]. Исследователь полагает, что философская проза должна содержать в себе элементы языковой рефлексии и что опыт индивидуального осмысления факта («предмет вторичной художественной упорядоченности») является признаком философской рефлексии. Радищев оценивается ею как философствующий писатель, познавший и выразивший истину на конкретно-образном языке [6, с. 137].

Она позиционирует текст Радищева как содержащий гносеологические концепты истинного и ложного, но не реконструирует связь между теорией познания Радищева и «философией факта». Очевидно, что в западноевропейской прозе такая взаимосвязь существовала. И действительно, процесс становления философской рефлексии начинается там, где человек «перестает мыслить картинками» (убирает предметные референции из своего сознания) [6, с. 145]. Однако в России XVIII столетия само существование теории познания является историографической проблемой, предполагающей несколько вариантов решения.

В западноевропейском культурном пространстве периода становления философского знания предшествовал этап формирования понятийного инструментария, который и стал предметом многих историко-философских исследований. В работе Гончаровой также содержится анализ проблемы словесного оформления идей Радищева. По ее мнению, уровень его абстрактного мышления был значительно выше представлений его современников об обществе [6, с. 160]. Однако более высокий стандарт рефлексии требует специфического терминологического инструментария. Гончарова пишет: «Так за философскими конструкциями художественных построений Радищева открывается нам и иной смысловой уровень его произведений, на уровне семиотики, зафиксированный прежде всего в языке текстов, но не только в собственно лингвистическом аспекте, но и поэтическом» [6, с. 161]. Язык прозы писателя характеризуется как «архаичный» [6, с. 161]. Эта архаичность языка Радищева нашла выражение в тяготении к церковнославянской лексике. Факт наличия в текстах писателя церковнославянских оборотов привлекал внимание исследователей еще в период господства марксистской парадигмы. О. М. Гончарова полемизирует с А. И. Горшковым, утверждавшим, что в творчестве Радищева происходит отрыв славянизмов от церковной идеологии и наполнение их новым содержанием» [6, с. 168]. По мнению же О. М. Гончаровой, «невозможно оторвать символ от матрицы его архетипа, а слово – от его языковой семантики, от системы референций данного языка». Текст писателя должен породить «новую семантику» [6, с. 168].

Тем не менее исследователь не анализирует процесс формирования новой семантики средствами церковнославянского языка. Констатируется лишь сам факт создания Радищевым неологизмов, которые замаскированы под церковнославянизмы [6, с. 168]. О. М. Гончаровой не решается проблема выразительного потенциала церковнославянской речи, она не задается вопросом, могут ли идеологемы века просвещения быть выражены средствами архаичной лексики.

Одним из известных современных исследователей литературы эпохи Просвещения является И. Е. Баренбаум.

Значительный исследовательский интерес представляет рецепция элементов политической идеологии российской культурной средой. Ученый считает, что российская аристократия активно интересуется переводами текстов европейских политических теоретиков, что было связано с их стремлением создать сословно-представительную монархию в период правления Анны Иоанновны: «На вечерах Волынского читались политические и исторические сочинения, обсуждались проекты государственного переустройства. Сам Волынский не знал иностранных языков и, как пишет Орлов, он пользовался чужими переводами (Макиавелли, Юст Липсий, Боккалини, Бессель)» [2, с. 68]. Переводчиком политической литературы был А. Ф. Хрущев, который считал, что освоение смыслов, порожденных европейской политической мыслью, гораздо полезнее усвоения эстетических стандартов французского романа («Сочинение это будет полезнее книги Телемаковой» [2, с. 68]). Проблема перевода иноязычных политических текстов не представляла собой основного предмета научной рефлексии Баренбаума.

Анализируя трансляцию смыслов, заложенных в сочинении Франсуа Фенелона, И. Е. Баренбаум затрагивает проблему трансформации русского литературного языка, создавшей возможность перевода как художественных, так и политических произведений в России.

Ученый не был склонен детально анализировать процесс преобразования русской литературной речи. Он лишь констатирует факт неразвитости выразительных средств языка (что было также отмечено несколькими представителями российского Просвещения). По мнению автора, именно французский язык (знание его было более распространено, чем знание других европейских языков) сыграл роль образца семантических и грамматических средств преобразования церковнославянской речи и обыденного языка в средство выражения смыслов науки и художественной литературы.

Побочным результатом переводческой деятельности явилось углубление идеологических трансформаций в политике, в результате чего сформировался новый тип секулярной идеологии [2, с. 439].

Автор признает, что русское Просвещение является рецепцией идей Монтескье, Руссо, Вольтера, энциклопедистов, труды которых переводили на русский литературный язык [2, с. 436]. Таким образом, в сфере исследовательских интересов И. Е. Баренбаума находятся преимущественно проблемы трансляции смыслов французской художественной литературы и естествознания. Однако процесс перевода политических и философских текстов не представляет специального предмета его аналитических изысканий.

Известным исследователем языка описания политических проблем в России является О. В. Хархордин, в своей работе «Основные понятия российской внешней политики» он анализирует процесс эволюции смыслового содержания термина «государство». Согласно его гипотезе, данное понятие обретает на русской почве иные коннотации, нежели в европейских (французском, английском, итальянском, немецком) языках. Ученый задается вопросом: «Что позволило нам допустить наличие почти мистической сущности под названием «государство», которую никто не видел, но в чье существование все верят так, что она воздействует подчас самым неумолимым образом на нашу жизнь?» [19, с. 14]. О. В. Хархордин использует метод сопоставления смыслового содержания понятия «государство» в русском и различных западноевропейских языках. По его мнению, история англоязычного термина *state* хорошо исследована в зарубежной литературе. Он обращается к эволюции русского термина «государство» [19, с. 14] и приходит к выводу, что современные коннотации понятия возникают лишь в позднем средневековье, а также в эпоху раннего Нового времени. Процесс эволюции понятия «государство» прошел в России и странах Западной Европы сходные этапы, однако значение термина насыщалось различным содержанием. Первоначально термин «государство» приблизительно соответствовал понятию «вотчина», то есть передаваемое по наследству имение, находившееся в частной собственности феодала. По мнению Хархордина, цари могли воспринимать свое царство как «государь-ство», как исключительное собственное владение, где все, включая собственность подданных, принадлежит лично царю [19, с. 26]. Распространение отношений вотчинного типа на всю территорию России происходит в 1613 г. в момент коронации Михаила Романова. Впервые в истории выстраивается личная связь между каждым подданным и царем: «Люди, занимавшиеся тем, что мы сегодня могли бы назвать «государственными делами», рассматривались и считали себя фактически управляющими «государевыми делами. Они, таким образом, воплощали в себе частицы персоны и статуса» [19, с. 26].

Коннотация понятия «государство» переносит ряд изменений. «В результате всех этих трансформаций слово «государство» стало обозначать, во-первых, свойство или качество бытия государем, то есть его достоинство и господство, присущее состоянию государь-ства, и, во-вторых, территорию его правления» [19, с. 26].

Рецепция элементов западноевропейской идеологии привела к радикальной трансформации смысла устоявшегося термина «государство». В начале восемнадцатого столетия Петр I воспринимает себя как чиновника на службе у народа, государство перестает описываться в терминах родовой вотчины, населенной слугами и холопами.

Идеологические реформы Екатерины II сближают значения понятий «отечество» и «государство». Власть царя обеспечивает благо подданных в государстве подобно тому, как власть отца опекает членов семьи [19, с. 40]. Другим распространенным значением термина было «страна, находящаяся под одним управлением» [19, с. 40]. Рецепция наследия Т. Гоббса приводит к появлению новой метафоры государства как механизма (что нашло свое отражение в текстах Радищева). Одновременно с этим представители властной элиты стремятся устранить различие между понятиями «государство» и «общество». Следствием этого стало смысловое обособление обоих терминов в последующий период.

Процесс противостояния власти и образованной элиты приводит к формированию нововременной триады «правитель – государство – подданные» [19, с. 43]. По мнению О. М. Хархордина, первый император России отделяет персону государя от государства, которым он правил, радикально настроенная элита раскалывает «государство – отечество» на общество, понимаемое как совокупность частных граждан, с одной стороны, и государство в узком смысле слова, понимаемое как механизм законной власти, с другой [19, с. 43].

Таким образом, автор исследования описывает процессы трансформации смыслов, не отрицая факт систематического влияния идеологии европейского Просвещения на российское культурное пространство. В то же время, сопоставляя значения русскоязычных и иноязычных понятий, ученый не склонен детально анализировать процесс усвоения значений политических терминов российской семиосферой.

Подводя итоги, можно кратко охарактеризовать основные тенденции реконструкции языка описания идеологических явлений в России эпохи Просвещения. Наибольший интерес (в контексте заявленной темы) представляют аналитические методы Д. Редина [17], так как он исследует процесс трансформации социокультурного контекста, порождающий пространство бытования терминов и наделяющий их новыми значениями. А также В. М. Круглова [11],

поскольку в сфере его исследовательских интересов находится адаптация иноязычных терминов (обозначавших различные эмоции) российским культурным пространством, в своей монографии он детально анализирует выстраивание синонимических рядов и создание семантических неологизмов. Подходы Д. А. Редина и В. М. Круглова обладают значительной методологической ценностью, однако проблема адаптации политической и философской терминологии (иноязычного происхождения) находится вне сферы их исследовательского курса. Наконец, укажем на И. Е. Баренбаума, который констатировал факт неподготовленности российской культурной почвы к восприятию смыслов, порожденных европейским семиотическим контекстом, и показал преобразование русского литературного языка благодаря механизмам калькирования и изобретения неологизмов.

Аналитические подходы О. Хархордина и И. Е. Баренбаума представляют значительную методологическую ценность. Однако задачи построения цельной реконструкции рецепции политических понятий требуют значительного расширения как предметной области (политическая теория), так и хронологических рамок исследования (весь XVIII в.).

Список литературы

1. *Артемова Т. В.* От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2005. 496 с.
2. *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII в. М. : Наука, 2006. 448 с.
3. *Буганов В. И.* Петр Великий и его время. М. : Наука, 1989. 192 с.
4. *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в Российскую политическую культуру XVIII века. Екб. : Изд-во Уральского университета, 2016. 480 с.
5. *Васильева Е. Н.* Монтескье и Россия : автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 21 с.
6. *Гончарова О. М.* Власть традиции и «Новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII в. СПб. : РХГИ, 2004. 382 с.
7. *Дербов Л. А.* Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1974. 363 с.
8. *Донских О. А.* Воля к достоинству. Новосибирск : Сова, 2007. 207 с.
9. История философии в СССР : в 4 т. Т. 2. М. : Наука, 1968. 591 с.
10. *Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г.* Запретная мысль обретает свободу. М. : Наука, 1966. 304 с.
11. *Круглов В. М.* Имена чувств в русском языке XVIII в. СПб. : Изд-во ИЛИ РАН, 1998. 110 с.
12. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX в.). Искусство. СПб., 2002. 400 с.
13. *Мавродин В. В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1725–1773 гг.) : курс лекций. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1964. 194 с.
14. *Марасинова Е. Г.* Государственная идея в России в первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское Просвещение и цивилизация в России. М. : Наука, 2004. С. 129–160.
15. *Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г.* Революционная традиция в России. М. : Мысль, 1986. 347 с.
16. *Рак В. Д.* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII в. СПб. : Академический проект, 1998. 336 с.
17. *Редин Д. А.* Этюды по русской истории Нового времени (административный и социальный аспекты). Екб. : Изд-во Уральского университета. 248 с.
18. *Савчук В. В.* О ресурсе русской философии // Казус философии. СПб. : РХГА, 2012. 512 с.
19. *Хархордин О. В.* Основные понятия российской политики. М. : НЛО, 2011. 328 с.
20. *Шпет Г. Г.* Очерк развития Русской философии. Пг. : Госиздат, 1922. 815 с.

Reception of political concepts of the European Enlightenment in Russia of the XVIII century

I. S. Kokovin

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Humanities,
Novosibirsk State University of Economics and Management.
Russia, Novosibirsk. E-mail: Ivan.kokov80@gmail.com

Abstract. The aim of the research is the formation of philosophical thought in Russia of the XVIII century in the process of reception of the conceptual apparatus of the European Enlightenment. We are not talking about the mechanical transfer of the products of European thought to the Russian soil, but about the problems of transformation of cultural space, which are described by means of historiography, the history of philosophy

and linguistics. The researcher relies in this case on the knowledge gained during the study of texts belonging to philosophers, historians, linguists.

The task is to characterize the relationship between the reconstruction of the language of politics of the era of Catherine II and the translations of French fiction, as well as the change in the semantic contexts of the existence of various terms. The following aspects of the reconstruction problem were clarified: the presentation by Soviet authors of the reception of philosophical thought in the form of a simple transfer of European ideas to Russian soil; recognition by the post-Soviet scientific community of the fact of the insufficiency of verbal means of expressing political and philosophical ideas by the Russian literary speech of the eighteenth century; the existence of prerequisites for the creation of an integral interdisciplinary reconstruction of the process of formation of philosophical terminology in Russia during the XVIII century. The prospects of the research lie in the development of the analytical apparatus of a new historical and philosophical concept.

Keywords: reconstruction, Russian Enlightenment, the language of politics, ideologies, the formation of philosophy, products of European thought.

References

1. Artem'eva T. V. *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu. Filosofiya istorii i utopiya v Rossii epohi Prosveshcheniya* [From the glorious past to a bright future. Philosophy of History and utopia in Russia of the Enlightenment]. SPb. ALETEYA. 2005. 496 p.
2. Barenbaum I. E. *Francuzskaya perevodnaya kniga v Rossii v XVIII v.* [The French translated book in Russia in the XVIII century]. M. Nauka (Science). 2006. 448 p.
3. Baganov V. I. *Petr Velikij i ego vremena* [Peter the Great and his Time]. M. Nauka (Science). 1989. 192 p.
4. Bugrov K. D., Kiselev M. A. *Estestvennoe pravo i dobrodetel'. Integraciya evropejskogo vliyaniya v Rossijskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural law and virtue. Integration of European influence into the Russian political culture of the XVIII century]. Ekb. Publishing House of the Ural University. 2016. 480 p.
5. Vasil'eva E. N. *Montesk'e i Rossiya : avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk* [Montesquieu and Russia : abstract dis. ... PhD in Philology]. SPb. 2010. 21 p.
6. Goncharova O. M. *Vlast' tradicii i "Novaya Rossiya" v literaturnom soznanii vtoroj poloviny XVIII v* [The power of tradition and "New Russia" in the literary consciousness of the second half of the XVIII century]. SPb. RHGI. 2004. 382 p.
7. Derbov L. A. *Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzglyady N. I. Novikova* [Socio-political and historical views of N. I. Novikov]. Saratov. Publishing House of Saratov University. 1974. 363 p.
8. Donskih O. A. *Volya k dostoinstvu* [The will to dignity]. Novosibirsk. Sova. 2007. 207 p.
9. *Istoriya filosofii v SSSR : v 4 t. T. 2 – History of philosophy in the USSR : in 4 vols. Vol. 2.* M. Nauka (Science). 1968. 591 p.
10. Karyakin Yu. F., Plimak E. G. *Zapretnaya mysl' obretaet svobodu* [Forbidden thought finds freedom]. M. Nauka (Science). 1966. 304 p.
11. Kruglov V. M. *Imena chuvstv v russkom yazyke XVIII v.* [Names of feelings in the Russian language of the XVIII century]. SPb. Publishing House OR RAS. 1998. 110 p.
12. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoj kul'ture. Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachala XIX v.)* [Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century)]. Art. SPb. 2002. 400 p.
13. Mavrodin V. V. *Klassovaya bor'ba i obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii v XVIII v. (1725–1773 gg.) : kurs lekcij* [Class struggle and socio-political thought in Russia in the XVIII century (1725-1773) : a course of lectures]. L. Leningrad University Publishing House. 1964. 194 p.
14. Marasinova E. G. *Gosudarstvennaya ideya v Rossii v pervoj chetverti XVIII v. (K istorii formirovaniya ponyatij i terminov)* [The State idea in Russia in the first quarter of the XVIII century (On the history of the formation of concepts and terms)] // *Evropejskoe Prosveshchenie i civilizaciya v Rossii – European Enlightenment and civilization in Russia.* M. Nauka (Science). 2004. Pp. 129–160.
15. Pantin I. K., Plimak E. G., Horos V. G. *Revoljucionnaya tradiciya v Rossii* [Revolutionary tradition in Russia]. M. Mysl' (Thought). 1986. 347 p.
16. Rak V. D. *Russkie literaturnye sborniki i periodicheskie izdaniya vtoroj poloviny XVIII v.* [Russian literary collections and periodicals of the second half of the XVIII century]. SPb. Academicheskij Proekt (Academic project). 1998. 336 p.
17. Redin D. A. *Etyudy po russkoj istorii Novogo vremeni (administrativnyj i social'nyj aspekty)* [Studies on the Russian history of Modern times (administrative and social aspects)]. Ekb. Publishing House of the Ural University. 248 p.
18. Savchuk V. V. *O resurse russkoj filosofii* [About the resource of Russian philosophy] // *Kazus filosofii – Case of philosophy.* SPb. RHGA. 2012. 512 p.
19. Harhordin O. V. *Osnovnye ponyatiya rossijskoj politiki* [Basic concepts of Russian politics]. M. UFO. 2011. 328 p.
20. Shpet G. G. *Ocherk razvitiya Russkoj filosofii* [An essay on the development of Russian philosophy]. Pg. Gosizdat. 1922. 815 p.